

В. В. МАВРОДИН

Одно замечание по поводу «мыси» или «мысли» в «Слове о полку Игореве»

Литература вопроса о смысле выражения автора «Слова о полку Игореве» «растекашется мыслию по древу» очень обширна.

Сторонников трактовки этого места «Слова о полку Игореве», по аналогии с другим выражением «по мыслену древу» считающих, что речь идет именно о человеческой мысли, столько же, сколько и их противников, полагающих, что вместо «мыслию» следует читать «мысию», т. е. каким-то зверьком, быстро избегающим по стволу дерева или спускающимся с него, ибо такое чтение больше соответствует последующему тексту, в котором говорится о сером волке и сизом орле. Если среди первых можно назвать Ф. Е. Корша, А. Майкова, А. А. Потемню, А. Н. Веселовского, И. Н. Жданова, В. Ф. Ржигу, Д. В. Айналова, Д. С. Лихачева, Н. В. Шарлеманя и др., то среди вторых мы встречаем О. Миллера, В. Миллера, Е. В. Барсова, А. И. Соболевского, В. Н. Перетца и др. Несмотря на то, что в комментарий к последнему изданию «Слова о полку Игореве» чтение «мысью» вместо «мыслию» отвергнуто, тем не менее вряд ли можно посчитать сброшенной со счетов в научном споре и точку зрения противников подобного рода трактовки одного из загадочных мест замечательного памятника древнерусской литературы.¹ Нельзя не обратить внимания на некоторые материалы, заставляющие нас еще раз вернуться к решенным казалось бы вопросам.

Слово «мысь» в обозначении белки встречалось в речи населения Опочецкого уезда Псковской губ. (ныне Опочецкий район Великолукской области).² Между тем псковское происхождение автора, писца или редактора «Слова» вызывает сомнение.³ Но, видимо, во времена Киевской Руси слово «мысь» в значении белки имело более широкое распространение. Этот пушной зверек, в лесах Восточной Европы встречающийся повсеместно, был одним из наиболее распространенных объектов охотничьего промысла и тогда, когда создавалось «Слово о полку Игореве», и гораздо позднее, да и теперь, в наши времена. Вполне естественно поэтому, что в разных местах он мог называться по-разному, и больше того,

¹ «Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, стр. 35, 377—378. Об этом говорит постановка данного вопроса в статьях Н. М. Егорова «Мысью или мыслию» (ГОДРЛ, XI. М.—Л., 1955) и Готфрида Кирхнера «Мыслию, und trotzdem мышию» (Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich Schiller Universität. Jena. Gesellschafts und Sprachwissenschaftliche Reihe, Heft 4/5, 1955—1956, стр. 621—622).

² В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. М., 1955, стр. 365; В. Ф. Ржига. «Мысленное древо» в «Слове о полку Игореве». — Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 103.

³ Д. С. Лихачев. Комментарий исторический и географический. — Сб. «Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, стр. 377.

население одних и тех же мест могло пользоваться синонимами, обозначающими белку.

Примеры подобного рода хорошо известны. Например, «конь» и «лошадь» (хотя, конечно, в данном случае имеют место известные смысловые нюансы), «бель», «веверица», «векша» и т. п. Характерно, что в «Повести временных лет» слова «бель» и «веверица» встречаются рядом, хотя и то и другое обозначает белку.⁴ Свидетельством огромного промыслового значения этого пушного зверька, шкурками которого платили дань во времена Киевской Руси, выступают некоторые слова профессиональной речи охотников-промышленников Сибири. В языке охотников и сибирской тайги и европейского Севера широко распространен термин «белкованье», «белковать». Он иногда встречается наряду с термином «соболеванье», «соболевать» и тогда выступает в качестве обозначения охоты собственно на белку. Чаще же всего охотник-сибиряк, отправляясь по осени в тайгу промысливать пушного зверя вообще, а по пути и сохотого, и медведя, говорил, что он уходит «белковать», «на белкованье». В таком случае термин «белковагь», «белкованье» обозначал охоту вообще и, по преимуществу, именно за пушным зверем, хотя объектом охоты были отнюдь не одни белки, но и куницы, и соболи, и горностаи, и прочий зверь, дававший ценный мех, ту самую «мягкую рухлядь», за которой устремлялись деды и прадеды сибиряков-промышленников казачки-«землепроходцы» XVII в. Такого рода терминология была в ходу в Сибири и в середине XIX в., и в конце века, и в начале следующего, XX столетия.⁵ Интересно отметить, что выпущенная Тульским оружейным заводом последняя модель двухствольного ружья, типа бокбюкс-флинта (один ствол, гладкий, 28 или 32 калибра, другой, нарезной, калибра 5,6 мм), специально предназначенного для охотников-промышленников Сибири, носит название «МЦ-БЕЛКА», хотя, конечно, предназначена отнюдь не для стрельбы только по одним белкам.

Кстати, следует напомнить давно уже обратившие на себя внимание исследователей легкость и стремительность белки, которая, взлетая или спускаясь с дерева, действительно как бы течет, растекается по нему. В пользу трактовки «мышь» — «белка» можно привести также следующие соображения. «Мышь» стоит рядом с орлом и волком, т. е. все три образа взяты из животного мира. Такой логике образов соответствует и пространственная логика: орел парит в поднебесье, мышь несется (растекается) по дереву, волк скачет по земле. Что касается попытки усмотреть в «мыси» соню, то вряд ли таковую можно посчитать состоятельной.⁶ Все соня (соня-полчок, лесная соня, садовая соня) ведут ноч-

⁴ Повесть временных лет, т. I. М.—Л., 1950, стр. 18. Некоторые исследователи текста «Слова о полку Игореве» считают возможным, что в данном случае речь идет о «белой веверице», т. е. о выкуневшей белке, о зимнем, голубоватом беличьем мехе. Но цвет зимнего беличьего меха не белый, а сизый. Этот термин для обозначения определенного цвета был знаком автору «Слова».

⁵ А. А. Черкасов. Записки охотника Восточной Сибири. Иркутск, 1950; Н. И. Яблонский. По тайге, тт. I и II. М., 1904; В. К. Арсеньев. 1) В делях Уссурийского края. М., 1947; 2) Сквозь тайгу. М., 1947. Не является ли украинское (как, впрочем, и чешское *myslivec* — «охотник», польское *mysliwiec* — «охотник») «мисливство» — «охота», «охотничий промысел», «мисливець» — «охотник», «мисливський» — «охотничий» и т. п. языковым явлением, аналогичным «белкованию»? Только в языке украинского охотника память о той далекой поре, когда охота на пушного зверя была охотой в первую очередь на «мышь», т. е. на белку (уже хотя бы потому, что дань платили в первую очередь беличьим мехом), отразилась в виде одного названия древнерусской «веверицы» — «мышь», а в языке сибирского охотника в виде другого — «белка».

⁶ Н. М. Егоров. Мышью или мышью, стр. 13.

ной образ жизни, спят 8—9 месяцев в году, и вряд ли южной темной летней ночью можно было проследить даже зоркому глазу, как соня носится, «растекается по дереву». Объектом охотничьего промысла на Руси сони никогда не были. Нельзя не обратить внимание также и на то обстоятельство, что автор «Слова о полку Игореве» вводит в действие образы только широко распространенных и хорошо известных русским людям зверей и птиц (волк, орел, гоголь, лисица и др.). В этой связи трудно себе представить появление в «Слове» рядом с хорошо известными волком и орлом сони-полчка, лесной или садовой сони, основной областью распространения которых и теперь, и в те времена были края, далекие от тех, где писалось «Слово о полку Игореве». Малочисленные, ведущие ночной образ жизни сони вряд ли могли быть упомянуты автором «Слова» в одном ряду с орлом и волком. На глаза человеку сони попадают не часто, и нередко об их присутствии тихой ночью в саду говорит лишь стук падающих на землю фруктов.⁷

---

⁷ Брэм. Жизнь животных, т. I, СПб., 1904, стр. 445—447; Е. Спангенберг. Из жизни натуралиста. М., 1955, стр. 156—157; Атлас охотничьих и промысловых птиц и зверей СССР, т. II, М., 1953, стр. 87—88.